

**К вопросу исторического развития системы личного согласования
в удийском языке**

Система личного согласования в удийском языке принципиально отличается не только от систем тех иберийско-кавказских языков, в которых имеется личное спряжение, но и от систем личного согласования исследованных языков мира. Как в последнее время показано в специальной литературе [прежде всего: Харрис 2002; см. рецензии на эту работу: Шульце 2002, Шульце 2004, Майсак 2003, Райс 2004; см. также Крисман 2000 и Луиш, Спенсер 2005], в удийском языке показателями личного согласования являются т.н. *эндоклитики*, т.е., клитики, способные встречаться внутри единой словоформы. Помимо этого, в удийском языке они могут находиться («разрывать») внутри глагольной основы.

Ранее, в специальной литературе по проблеме «клитичности», считалось, что эндоклитики не существуют в изученных языках мира и, более того, были предложены теоритические построения [напр.: Клаванс 1979: 68-80], полностью отрицавшие такую возможность.

Сами личные показатели, исследователями удийского языка [Е.Ф.Джейранишвили, В.Н.Панчвидзе, В.Л.Гукасян и др.] традиционно рассматривались в качестве аффиксов. Несмотря на это, большая часть критериев «клитичности» [см. Цвики, Пуллум 1983, Клаванс 1979, Скализе 1984...] однозначно указывают на то, что личные показатели удийского языка имеют статус клитик, несмотря на то, что их «поведение» во многом необычно для клитик других описанных языков. В первую очередь необходимо отметить, что личные показатели удийского языка могут присоединяться к различным частям речи: глаголам, существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям и послелогам. Присоединение личных показателей к опорным словам не вызывает у последних каких-либо изменений значения. Часты случаи

опущения совпадающего личного показателя при одном из сочиненных глаголов. Личный показатель может следовать за другой клитикой¹, что представляется невозможным для аффикса.

Несомненно, что на дистрибуцию личных показателей, помимо морфологических, влияют и синтаксические правила. Если сказуемое не находится в т.н. *фокусе* (см. Ламбрехт 1994), то личные показатели энклитически примыкают непосредственно к той составляющей, которая находится в фокусе. Фокусируемое слово, если это не главный глагол, то оно, как правило, предшествует ему. В фокус обязательно входят такие составляющие, как: вопросительные слова, напр., *екIа=н беса* «что делаешь?» (=н – II лицо, ед. числа); показатели отрицания, напр., *акIес те=з бакса* «не могу видеть» (=з – I лицо, ед. числа); Ответы на частные вопросы (т.е. слова, которые непосредственно отвечают на вопрошаемое), напр., если известно, что кто-то взял яблоко, то на вопрос «кто взял яблоко?» нам ответить, приблизительно, следующим образом:

аьйел-ен=не акъ-е ешI-н-ух
мальчик–ERG=3SG **братъ**–PERF **яблоко**–O–DAT
Мальчик взял яблоко.

В данном случае, в фокус попадает именная группа «мальчик», как та часть предложения, которая в представленном контексте не предсказуема заранее и не выводима прагматически. Соответственно, личный показатель =не (III лицо, ед. числа) присоединяется к фокусируемому слову аьйел-ен «мальчик» (в эргативе).

При обычном повествовании эта фраза примет следующий вид:

аьйел-ен а=не=къ-е ешI-н-ух
мальчик–ERG **братъ**=3SG=ST–PERF **яблоко**–O–DAT
Мальчик взял яблоко.

Если же наоборот мы знаем, что мальчик взял что-то, то ответ на вопрос «что взял мальчик?» будет, например, таким:

¹ Это, как правило, отрицательные клитики *те=*, *ну=*, *ма=*. Вместе могут составлять проклитические [*те=не=беса* «не делает»], энклитические [*бал=те=не* «не сделает»] и эндоклитические [*ба=те=не=ко* «возможно будет//станет»] комплексы.

аьйел-ен пIаI ешI=не акъ-е
мальчик–ERG два яблоко=3SG братъ–PERF

Мальчик взял два яблока.

При обычном повествовании это высказывание примет следующий вид:

аьйел-ен пIаI ешI-н-ух а=не=къ-е
мальчик–ERG два яблоко–O–DAT братъ=3SG=ST–PERF

Мальчик взял два яблока.

Необходимо отметить, что в представленных предложениях другое расположение личных согласовательных клитик неприемлемо. Таким образом, можно констатировать, что в удийском языке существуют морфемы, имеющие бесспорный статус клитик¹.

Как отмечено выше, необычной особенностью личных согласовательных клитик удийского языка является их способность находиться в составе единой словоформы (в сложных глаголах) и даже разрывать глагольную основу (в мономорфемных глагольных основах). До перехода к объяснительной части работы (рассмотрению существующих гипотез и выдвижению некоторых новых предположений) необходимо вкратце рассмотреть морфологическую структуру удийского глагола, систему личного согласования и ее показатели, а также правила расположения личных показателей в глаголе.

В удийском языке имеется ограниченное количество непрямых, простых глаголов (приблизительно 60-70). Остальная же часть глагольных лексем приходится на композиты, состоящие из именного компонента (реже – адвербиального или иногда – из основы непереходного глагола) и служебного глагола (*б-ес* «делать», *бак-ес* «быть», «существовать», «становиться», *п-ес* «говорить» и нескольких, потерявших ныне независимое лексическое значение, самым распространенным из которых является *д-ес > тI-ес*). Немалое число сложных глаголов ранее представляло собой словосочетания идиоматического содержания, напр.: *хабар-акъес* (новости братъ) «спрашивать», *аьфчи-дугъес* (ложь бить) «обманывать», *ишех-тайес* (муж идти) «выходить замуж»...

¹ Помимо показателей согласования, статус клитик в удийском языке имеют: показатель двух форм *юссива* =*къа*=, условно-желательных наклонений =*зи*=, клитика прошедшего времени =*й//и*=, отрицательные клитики =*те*=, =*ма*=, =*ну*=, сочинительная клитика =*ал*, вопросительная =*а*.

Система личного согласования в удийском языке монопersonальна: показатели обозначают лишь лицо субъекта. В зависимости от конструкции предложения имеется три серии личных показателей:

I. *Абсолютивно-эргативная*. Эта серия личных клитик используется с абсолютным большинством глаголов удийского языка. Субъект непереходного глагола (абсолютив) и субъект переходного глагола (в эргативе) выражен одинаково, одними и теми же личными клитиками:

лицо	единственное число	множественное число
I	=зу, =з	=йан
II	=ну, =н	=нан
III	=не, =н, =е	=кьун (в ниджском диалекте, вместо этой формы: =ттун)

II. *Дативная (инверсивная)*. В варташенско-октомберийском диалекте клитики этой серии используют не более двух десятков глаголов чувственного восприятия (*verba sentiendi*), а в ниджском диалекте инверсивную конструкцию имеет лишь один глагол *бу > нпу*, когда употребляется со значением «иметь»:

лицо	единственное число	множественное число
I	=за, =зах	=йа, =йах
II	=ва, =вах	=вал, =валх ¹
III	=тлу, =тлух	=кьо, =кьох (в ниджском диалекте, вместо этих форм: =ттулх, =ттолх, ттолх)

III. *Поссесивная (генитивная)*. Эта серия сохранена лишь в варташенско-октомберийском диалекте, и ее использует один глагол *бу*, когда употребляется со значением «иметь» (когда этот глагол употребляется со значением «быть», «находиться», то в обоих диалектах использует клитики I серии):

¹ В ниджском диалекте из представленных форм используются только следующие клитики: =зах, =вах, =ттух (< тлух), =йах, =валх), которые, как правило, проклитически присоединяются к глаголу *бу > нпу*: зах=нпу «имею», вах=нпу, ттух=нпу, йах=нпу, валх=нпу, ттулх=нпу...

лицо	единственное число	множественное число
I	=без	=беш
II	=ви	=eIф
III	=mIай, =mIа	=кьоI, =кьо

Личные показатели удийского языка имеют бесспорное местоименное происхождение и восходят, соответственно, к эргативу//абсолютиву, дативу и генитиву личных местоимений I и II лиц, а клитики III лица к указательным местоимениям. Срв. личные местоимения удийского языка:

падежи	I лицо		II лицо	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
абсолютив	зу	йан	ун//гьун (н.)	ваIn//eIфан
Эргатив	–	–	–	ваIn
Генитив	бези	беши	ви	eIфи
Датив	за//зах	йа//йах	вах	вахI

Прослеживаются интересные параллели между клитикой III лица ед. числа =не и указательными местоимениями кавказско-албанского языка: *о-не* «этот» (по отношению к I лицу) и *а-не* «этот» (по отношению ко II лицу), *не* «тот». Помимо этого, необходимо отметить, что в сравнении с местоимениями II лица удийского языка местоименное происхождение личных согласовательных клитик II лица =ну (ед. число) и =нан (мн. число) лучше иллюстрируется соответствующими личными местоимениями кавказско-албанского языка (*нун* «ты» и *нан* «вы»).

Показатель личного согласования в глаголах не имеет одной, определенной позиции. В одних и тех же глагольных лексемах, в одних и тех же видо-временных формах одни и те же согласовательные клитики могут менять позицию, причем, это, как правило, не вызывает каких-либо изменений значения.

В статических глаголах показатель личного согласования, как правило, энклитически примыкает к глаголу, напр., *бу=не* «имеет», «есть», «находится»;

арци=не «сидит»; *чурпи=не* «стоит»; *баскIи=не* «лежит»; *арци=те=не* «не сидит» и т.д.

В динамических глаголах, как переходных, так и непереходных, личная клитика может произвольно изменять свою позицию, напр., *ба=не=к-са*, *бак-са=не* «есть», «существует», «становится»; *те=не=бак-са* «не существует», «не становится»; *е=не=с-а*, *ес-а=не* «идет»; *те=не=ес-а* «не идет»...

Таким образом, показатель личного согласования может примыкать к глаголу энклитически¹, может занимать суффиксальную позицию (между основой глагола и каким-либо видо-временных формантом, но нужно отметить, что подобное расположение личных клитик встречается крайне редко), напр., *бих=не=са* «рождается», *бох=не=са* «варится»..., может примыкать проклитически (но обязательно в комплексе, после других клитик), напр., *те=не=б-еса* «не делает»; *ма=къа=н=бак-е* «чтобы не был», «чтобы не существовал», «чтобы не стал» (*JUSS.*). В сложных глаголах согласовательная клитика, как правило, занимает интерфиксальную (интерморфемную) позицию, напр., *аш=не=б-еса* (*аш* «дело», «работа» + *б-ес* «делать») «работает»; *азару=не=бак-са* (*азару* «больной» + *бак-ес* «быть», «становиться») «болеет», «заболевает». В простых глаголах клитика часто находится в инфиксальной (интраморфемной) позиции, т.е. «разрывает» основу (она на синхронном уровне совпадает с корнем), а иногда, как следует полагать, и исторически выделяемый корень глагола². Инфиксальная позиция локализуется перед последним согласным основы, и ее имеет подавляющее большинство непрямых глаголов (за исключением глаголов *б-ес* «делать» и *п-ес*, основа которых состоит из одной согласной и глаголов *бу* «быть», «иметь», «находиться» и *би[й]-ес* «умирать»), напр., *бак-ес* «существовать», «быть»,

¹ В некоторых видо-временных формах такое расположение личных клитик обязательно, это будущее основное и образованные от этой основы времена – будущее долженствование, будущее основное в прошедшем, будущее долженствование в прошедшем и, помимо этого, конъюнктив, конъюнктив прошедшего времени и императив.

² К числу таких глаголов относится, напр., *акI-ес* «видеть», *акъ-ес* «брать», *ес-ун* «идти», *еф-ес* «хранить», «держат», «содержать»..., срв., *а=тIу=кI-са* «видит», *а=не=къ-са* «берет», *е=не=с-а* «идет», *е=не=ф-еса* «хранит», «держит», «содержит»...

«становиться» – *ба=не=к-са* «существует»...; *букъ-ес* «любить», «хотеть» – *бу=тIу=къ -са* «любит»...

В научной литературе было высказано несколько гипотез о причинах возникновения личных показателей в качестве эндоклитик в удийском языке.

А.Харрис высказала предположение, что в результате процесса слияния глагольно-именных сочетаний в единую лексему произошло «окружение» (*trapping*) личных показателей. По мнению А.Харрис, эволюция сложных глаголов происходила через следующие этапы: фокусные конструкции, состоящие из подлежащего и стоящего перед ним «выделенного» (маркированного личным показателем) дополнения, становились источником ряда «лексикализованных», т.е. идиоматических по значению сочетаний и, претерпевая морфологизацию, превращались в сложные глаголы. Таким образом, личный показатель оказывался внутри уже единого слова, между инкорпорированной именной частью и служебным глаголом.

Основываясь на этой гипотезе, А.Харрис пытается объяснить и происхождение интраморфемной позиции личных клитик в непроизводных глаголах. По мнению исследователя, в этом случае личные показатели не развивались в указанной позиции, а подвергались процессу постепенного передвижения на «внутриморфемную» позицию. Поскольку большая часть основ служебных глаголов состоит из одной согласной, то позиция перед последней согласной основы стала восприниматься как место для личного согласовательного показателя (см. теорию А.Харрис о возникновении эндоклитик в сложных глаголах), в результате чего, по аналогии со сложными глаголами, личные показатели и в непроизводных простых глаголах стали занимать инфиксальную позицию.

Конкурирующей гипотезой является предположение, что все позиции личных согласовательных клитик были унаследованы у показателей класса. После утраты классного спряжения показатели грамматического класса были частично потеряны, но само место классных аффиксов оказалось занятым вновь возникшими личными клитиками.

Гипотеза о «наследовании позиции» у показателей грамматических классов, видится нам недостаточно обоснованной. По нашему мнению, эта гипотеза не может объяснить многие факты синхронного функционирования системы личного согласования в удийском языке; в частности остается непонятным «интраморфемное» расположение личных клитик непроезженных глаголов. Помимо этого, два самых распространенных служебных глагола (*б-ес* «делать» и *бак-ес* «быть», «существовать», «становиться», а также, возможно *д-ес* – не имеет независимого лексического значения), без всяких сомнений, содержат окаменевший показатель грамматического класса (срв. уд. *ба-к-ес* и рут. *йи-к-ис//ри-к-ис//ви-к-ис//ди-к-ис* «быть» по грамматическим классам; арч. *ви-к-ир//ди-к-ир//би-к-ир//и-к-ир* «быть»; цах. *ы-хь-ай//йи-хь-ай//ву-хь-ай* «быть»; глагол *б-ес* в удийском потерял корневой согласный, срв. с кавк.-алб.: *би-й-ес* «делать», где *би-* показатель III класса, срв. также: лезг. *ий-из* «делать»). Если исходить из позиции теории «наследования позиции», то непонятно, каким образом личные согласовательные показатели занимали позицию до формантов грамматических классов.

Гипотеза «окружения» личных показателей, по нашему мнению, хоть и позволяет объяснить многие факты, но тоже не подходит для всех случаев.

В специальной литературе не рассматривалось возможное функционирование в удийском языке лично-классного спряжения, как переходной ступени от классного спряжения к личному согласованию. На возможность такой реконструкции указывает: большинство непроезженных глаголов имеют в основе окаменевший показатель грамматического класса (*б-*, *ба-*, *бе-*, *би-*, *бо-*, *боI-*, *бу-*, *буI-*, *д-*, *ду-*, *у-* [*< *ву-*], *уI-* [*< *вуI-*]...), после которых и локализуется инфиксальная позиция личных клитик, напр., *букъ-ес* «любить», «желать», «хотеть» – *бу=тIу=къ-са* «любит»..., *бак-ес* «быть», «существовать», «становиться» – *ба=не=к-са* «есть»..., *бикъ-ес* «строить» – *би=не=къ-са* «строит», *бокI-ес* «гореть» – *бо=не=кI-са* «горит», *дугъ-ес* «бить», «ударять» – *ду=не=гъ-са* «бьет», «ударяет», *ук-ес* «есть», «кушать» – *у=не=к-са* «ест»..., *уIгъ-ес* «пить» – *уI=не=гъ-са* «пьет»...

Представленные окаменевшие классные префиксы на синхронном уровне составляют одну морфему с корнем глагола, но выделение указанных элементов возможно с помощью привлечения данных родственных языков, напр., уд. *бих-ес* «родить», *би=не=х-са* «рождает», срв.: цах. *у-х-и//йу-х-и//ву-х-и*, рут. *йу-х-ын//ру-х-ын//ву-х-ын* «родить» (по грамм. классам), срв. также лезг. *х-ун* «родить»; уд. *бокI-ес* «гореть», *бо=не=кI-са* «горит», срв. арч. *у-кIкI-ас//до-кIкI-ас//бо-кIкI-ас* «гореть» (по грамм. классам); уд. *дугъ-ес* «ударить», «бить», *ду=не=гъ-еса* «ударяет», «бьет», срв. рут. *йы-х-ын//рыр-х-ын//урыр-х-ын//выр-х-ын* «ударять» (по грамм. классам), таб. *у-х-уз//йу-х-уз* «ударить» (по грамм. классом), срв. также авар. *ву-х-изе...* «бить».

Представляется маловероятным, что личные показатели заняли интраморфемную позицию после утраты классного спряжения и, соответственно, слияния классного показателя и корня (//основы) глагола в единую основу. Обращает на себя внимание, что личные показатели согласуются лишь с лицом субъекта. Во всех иберийско-кавказских языках, в которых развилось лично-классное спряжение (сев. диалект табасаранского языка, даргинский, лакский, бацбийский), личный показатель в переходных глаголах указывает на лицо субъекта, тогда как классный показатель отображает класс ближайшего объекта. Помимо этого, необходимо отметить, что во всех иберийско-кавказских языках (кроме удийского), для глагола которых характерно личное спряжение (табасаранский, адыгейский, кабардинский, убыхский, картвельские языки), мы имеем субъектно-объектное спряжение переходных глаголов. Таким образом, отображение прямого объекта в переходных глаголах можно признать первичным для всех иберийско-кавказских языков. Чем же вызвана уникальная для иберийско-кавказских языков система субъектного личного согласования, которая сложилась в удийском языке? Для объяснения этого можно предположить:

1. Формирование системы личного согласования происходило в новейшее время, на том этапе языкового мышления, когда реальный субъект стал

преобладать над ближайшим объектом и категория грамматических классов окончательно и в течение уже долгого времени была утеряна.

2. Удийский язык от классного спряжения до личного согласования прошел ступень классно-личного спряжения, которое предусматривало отображение класса объекта и лица субъекта (как во всех иберийско-кавказских языках, имеющих классно-личное спряжение). После утраты категории грамматических классов объектное личное спряжение, в отличие, например, от картвельских и адыгских языков, в удийском, видимо, из-за внешнего языкового воздействия, не развилось. Второе предположение видится нам более обоснованным, с учетом того, что реконструкция системы спряжения иберийско-кавказских языков приводит к выводу, что «исторически место личного спряжения [в иберийско-кавказских языках] может быть одним: личное спряжение получено от классно-личного, путем его упрощения [Чикобава 1979: 175].

Мы предполагаем, что первично личный согласовательный показатель примыкал к глаголу энклитически. Изменение позиции личного показателя на инфиксальную (//интерфиксальную) и маркирование фокуса согласовательной клитикой, по нашему мнению, было вызвано различными синтаксическими и морфологическими процессами. Маркирование фокуса, по-видимому, обусловлено переходом от биклаузного «расщепленного» предложения (клефт), реконструируемого для древнеудийского и распространенного в кавказско-албанском, к моноклаузным конструкциям, характерным для современного удийского языка. В результате этого личное или указательное местоимение, «вводившее» зависимое предложение, превращалось в согласовательный показатель, присоединяемый в качестве энклитики к фокусируемой составляющей¹ [Харрис 2002: 241-242].

По нашему мнению, перемещение личного показателя на инфиксальную (//интерфиксальную) позицию также было обусловлено синтаксическими и

¹ В научной литературе было высказано альтернативное предположение. По мнению В. Шульце, для маркирования фокуса первоначально использовался пралезгинский показатель *-ни (во всех лицах), который затем в I лице стал заменяться на личное местоимение. Показатели других лиц сформировались впоследствии, не без влияния формы *-ни [Шульце 2004: 437].

морфологическими процессами, реликты которых можно наблюдать в современном удийском языке.

У ограниченного числа глаголов изменение позиции личной клитики вызывает изменение означаемого, напр., *би=не=x-ca* «рожает» – *бих=не=са* «рождается»; *бо=не=x-ca* «варит» – *бох=не=са* «варится»¹. В предложенных примерах изменение позиции личной согласовательной клитики вызывает понижение актантной деривации, устраняющей из высказывания агенс (по сути дела образуя декаузатив).

Несмотря на то, что в большинстве случаев изменение позиции личного показателя не приводит к каким-то «видимым» изменениям означаемого, наблюдается некая закономерность: если глагол используется в первых частях сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, то, как правило, личный показатель находится на постфиксальной позиции, хотя, в целом, инфиксальное (//интерфиксальное) расположение личных согласовательных клитик преобладает.

По нашему мнению, высказанное предположение не только не противоречит гипотезе «окружения» личных показателей, но они даже взаимодополняют друг друга. Вместе с этим, необходимо отметить, что гипотеза о «наследовании позиции» у показателей грамматических классов видится нам недостаточно обоснованной. По нашему мнению, явление «эндоклизиса» (вклинивания согласовательных клитик в глагольную основу) объясняется лишь параллельным функционированием классных и личных показателей, а не простой заменой аффиксов класса на личные согласовательные форманты.

¹ Представленные примеры (*бих=не=са* и *бох=не=са*) противоречат одной из т.н. универсалий: В специальной литературе представлено положение, согласно которому один из критериев «клитичности» предусматривает невозможность следования аффикса за клитикой [см. напр. Цвики, Пуллум 1983]. В приведенных примерах аффикс *-ca//=-esa* (показатель презенса на синхронном уровне; на диахроническом уровне может быть разбит на суффикс масдара *-es > -c* и собственно суффикс презенса *-a*) непосредственно следует за клитикой *=не* (III лицо, ед. число). В представленных глагольных лексемах за личными согласовательными клитиками могут следовать и другие видо-временные аффиксы.

Обозначения

- морфемная граница	JUSS юссив
= граница с клитикой	O косвенная основа
1, 2, 3 - лицо	PERF перфект
DAT датив	SG единственное число
ERG эргатив	ST отделяемая часть глагольной
GEN генитив	ОСНОВЫ

Литература

Клаванс 1979 – Klavans Judith L., On clitics as word, In Proceeding of the 11th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1979.

Крисман 2000 – B. Crysmann, On the Placement and Morphology of Udi Subject Agreement, Paper presented at the 7th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar, Berkeley, 2000.

Ламбрехт 1994 – Lambrecht K., Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus and the Mental Representations of Discourse Referents, Cambridge, 1994.

Луиш, Спенсер 2005 – A. Luis & A. Spencer, Udi clitics: A Generalized Paradigm Function Morphology approach, Essex Research Reports in Linguistics, 2005.

Майсак 2003 – Майсак Т.А., Рецензия: *Harris A., Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*, Кавказоведение, №3, 2003.

Райс 2004 – Keren Rise, Review of *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*, Linguistic Tipology, 8:2, 2004.

Скализе 1984 – Scalise Sergio, Generative Morphology, Dordrecht: Foris 1984.

Харрис 2002 – Alice C. Harris, *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*, Oxford, 2002.

Цвики, Пуллум 1983 – Zwicky Arnold M. & Geoffrey K. Pullum, Cliticization vs. inflection: English n't, *Language* 59, 1983.

Чикобава 1979 – Чикобава А.С., Введение в иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси, 1979 (на груз. яз).

Шульце 2002 – Wolfgang M. Schulze, Review of *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*, *LINGUIST List*, 13.2994, Nov 18, 2002.

Шульце 2004 – Wolfgang M. Schulze, Review of *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*, *Studies in Language*, 28:2, 2004.

Roman T. Lolua (Georgia, Tbilisi)

Towards the Historical Development of a Personal Conjugation System in Udi

Summary

A system of personal conjugation in Udi principally differs not only from those relevant systems of the Iberian-Caucasian languages, in which changing takes place according to a verb person, but from the systems of a personal conjugation of the world's studied languages. The uniqueness of the situation is the fact, that in Udi endoclitics occurs as a formant of a person [Harris 2002].

In the special literature some hypothesis on formation of a personal formant in the form of endoclitics were expressed. The present work discusses the expressed hypothesis and a new viewpoint is represented: we believe, that from class conjugation to personal conjugation (better to say – agreement) Udi should have passed a transitive stage in the form of class-personal conjugation. It is expected, that after formation of a personal conjugation, a personal formant occur as an enclitics and it's changing into endoclitics and marking of focus by personal formants should be later processes and we think, that it is caused by different syntactical and morphological processes, the relicts of which are preserved in Udi and their research is represented in the present work.